Аракчеевъ и Шумскій.

Въ послѣдніе годы много было писано объ Аракчеевѣ и Шумскомъ. Писали люди близко знавшіе Аракчеева, но какъ будто не досказывали чего-то; однажды Настасья Ѳедоровна Минкина названа даже Шумскою, какъ никогда не называлась, да и называться не могла, какъ увидимъ ниже. Неизвѣстно также, кто дѣйствительно былъ флигель-адъютантъ Шумскій, и по какой причинѣ лишился этого почетнаго званія.

Я не зналъ лично ни Аракчеева, ни Шумскаго. Скажу объ нихъ то, что̀ слышалъ отъ свидѣтелей самыхъ достовѣрныхъ: первый—адъютантъ Аракчеевскаго полка, въ отставкѣ подполковникъ Петръ Еф. Борушкевичъ; о второмъ—объясню подробнѣе.

Въ 1839 г. я поступилъ на службу къ графу Клейнмихелю столоначальникомъ въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства. Помощникомъ моимъ оказался старичокъ Михаилъ Панфиловичъ Ефимовъ, чиномъ губернскій секретарь. На видъ ему было лѣтъ 70; но, по всѣмъ соображеніямъ, столько быть не могло, иначе онъ родился бы около 1770 г. и служилъ бы еще при Екатеринѣ II-й, о чемъ онъ никогда не говорилъ; значитъ, его измяли и состарили не годы, а обстоятельства жизни. Ефимовъ едва ноги таскалъ, но приходилъ на службу ранѣе другихъ; не смотря на старость, писалъ какъ чистописецъ; всѣ дѣла своего стола, одного изъ труднѣйшихъ, зналъ въ совершенствѣ; по всѣмъ дѣламъ составлялъ бумаги вполнѣ удовлетворительно.

Ознакомившись, я узналъ слѣдующее: Ефимовъ служилъ при лицѣ Аракчеева въ званіи писаря, но, къ несчастію его, былъ графскимъ докладчикомъ. Прошу припомнить, что̀ значилъ Аракчеевъ и что̀ предъ нимъ писарь. Несчастный писарь Ефимовъ, какъ докладчикъ, былъ при немъ день и ночь, всегда на тычку, всегда въ загонѣ, всегда въ опасеніи розогъ, разжалованья, ссылки. Въ то же время молодой поручикъ Клейнмихель былъ адъютантомъ Аракчеева; страдалъ онъ въ канцеляріи вмѣстѣ съ Ефимовыхъ, и часто, заваленный письменною работою, которая всегда была на срокъ, засыпалъ тамъ же. Въ такомъ случаѣ Ефимовъ приносилъ ему свою подушку. Ниже увидимъ, что эти услуги были спасеніемъ Ефимова.

Однажды я спросилъ Ефимова: „Какъ это, Михаилъ Панфиловичъ, вы, служа при лицѣ Аракчеева, не были произведены въ чинъ?"

— Въ чинъ?—отвѣтилъ онъ,—при Аракчеевѣ? Да объ этомъ нельзя было и думать, нельзя было и во снѣ грезить. За 10-ти-лѣтнюю вѣрную службу онъ разжаловалъ меня въ солдаты безъ выслуги.

Когда именно случилось это, теперь не припомню; но дѣло было такъ: на Аракчеева, какъ говорится, нашелъ худой стихъ; долгое время былъ не въ духѣ; на докладчика Ефимова, какъ ближайшее лицо, изливалась вся желчь. Приведенный въ отчаяніе, не видя возможности выйти изъ бѣды (ибо куда можно было уйти отъ Аракчеева?), Ефимовъ, по натурѣ русскаго простолюдина, запилъ. Аракчеевъ разжаловалъ его въ солдаты безъ выслуги, и сослалъ въ Новгородскія поселенія. Въ подобныхъ случаяхъ предварительно давалось сто лозановъ. Какъ ему жилось послѣ того—самъ онъ не говорилъ, а я совѣстился спросить; но, вѣроятно, онъ успокоился и обжился, потому что женился. Служилъ по писарьской части гдѣ-то въ 3-й гренадерской дивизіи. Пока Аракчеевъ властвовалъ, никто не смѣлъ вступиться за несчастнаго Ефимова, даже и самъ Клейнмихель, уже

бывшій начальникомъ штаба военныхъ поселеній. Послѣ Клейнмихель распорядился произвесть Ефимова въ писаря. Въ польскую войну онъ былъ въ штабѣ 3-й гренадерской дивизіи; получилъ крестъ virtnti militari; а послѣ войны Клейнмихель не только произвелъ его за отличіе въ чинъ, но и взялъ въ инспекторскій департаментъ прямо помощникомъ столоначальника, тогда какъ и коллежскіе ассесоры служили чиновниками для усиленія. Это значитъ, что Ефимовъ изъ писарьскаго оклада—10 или 12 руб. въ годъ, съ прибавкою аммуниціи и пайка,—шагнулъ на окладъ 1,700 руб. Дистанція огромнаго размѣра! По этому случаю пусть судятъ о Клейнмихелѣ—помнилъ ли онъ давнія услуги.

Если по тому, что́ я сказалъ о Ефимовѣ, онъ можетъ быть достовѣрнымъ свидѣтелемъ объ Аракчеевѣ и Шумскомъ, то нужно дать вѣру и тому, что̀ онъ разсказывалъ мнѣ объ нихъ. Вотъ сущность его разсказа:

Настасья Θедоровна была жена грузинскаго крестьянина, кучера. Когда Аракчеевъ возвысилъ ее до своей интимности, то мужа она трактовала свысока: за каждую вину, за каждую выпивку, водила на конюшню, и приказывала при себѣ сѣчь.

Желая привязать Аракчеева къ себѣ неразрывными узами, старалась забеременѣть, но всѣ усилія были напрасны. Тогда она ударилась въ другую хитрость: узнавъ, что беременна крестьянка или солдатка—теперь не помню,—по фамиліи Лукьянова, Настасья, уже всесильная барыня въ Грузинѣ, приказала Лукьяновой, какъ только родится дитя, окрестить и принести къ себѣ; а сама стала носить подушку, увеличивая ее по времени. Аракчеевъ былъ очень радъ въ ожиданіи потомства. Лукьянова родила мальчика; окрестили его именемъ Михаила. Вслѣдъ за тѣмъ Настасья разрѣшилась отъ мнимой беременности сыномъ, а въ кормилицы взята Лукьянова.

У Аркачеева все дѣлалось по рапортамъ и предписаніямъ. Поэтому самъ же Ефимовъ, по приказанію Настасьи Θедоровны, написалъ рапортъ, куда слѣдовало, отъ имени Лукьянова, что „новорожденный сынъ мой Михаилъ Лукьяновъ волею Божіею помре“. Настасья Θедоровна приказала протоіерею похоронить никогда не умиравшаго младенца,—и похоронили гробикъ пустой. А у Настасьи Θедоровны явился сынъ, крещенный также именемъ Михаила, къ полному удовольствію Аракчеева.

Очень странно, что простая баба успѣла обмануть такого человѣка, какъ Аракчеевъ; но такъ было: когда Богъ захочетъ наказать, то отниметъ разумъ.

Мишенька росъ, какъ всѣ дѣти-баловни. Настасья Θедоровна съ нимъ соединяла всю свою судьбу, или, иначе, привязанность Аракчеева.

Все это обходилось домашнимъ образомъ, пока не потребовалось Мишеньку вывести въ люди, какъ хотѣлось Аракчееву. Первое дѣло: нужно сдѣлать его пажомъ и камеръ-пажомъ. Для этого надобно быть дворяниномъ. Вотъ тутъ точка препинанія; однако нашли средство. Литва и Польша извѣстны дворянами, которыхъ отцы никогда дворянами не были, сами они нечего не заслужили, а большею частію и вовсе не служили. Для полученія дворянства безъ заслугъ были два пути: 1) король имѣлъ право въ промежутокъ сеймовъ жаловать нѣсколько человѣкъ дворянствомъ по своему усмотрѣнію. Они назывались Kieszenkowa szlachta—карманные дворяне. Но короля въ Польшѣ уже давно не существовало. 2) Въ Литвѣ была фабрикація фальшивыхъ дворянскихъ бумагъ. Въ Минской губ. въ г. Слуцкѣ адвокатъ Талишевскій за 40 или 50 рублей давалъ документы на дворянство, какіе угодно. Онъ весьма хорошо зналъ подписи и печати польскихъ королей, и пользовался своимъ искуcствомъ для составленія документовъ, какіе были нужны; потомъ носилъ тѣ документы въ сапогѣ, пока пожелтѣютъ, для вида древности, и тогда уже пускалъ ихъ въ обращеніе. Графъ Ржевускій въ романѣ „Listopad“ разсказываетъ, какимъ образомъ въ Литвѣ расплодились графы, которыхъ тамъ никогда не существовало, а были только князья изъ рода Гедимина и шляхта, т. е. дворяне. Въ Литвѣ было много цыганъ; надъ ними съ незапамятныхъ временъ былъ общій начальникъ, который носилъ титулъ цыганскаго короля, и жилъ въ городѣ Мирѣ (теперь мѣстечко). Въ цыганской администраціи онъ подписывался: Król, т. е. король. Послѣ это званіе и подпись запрещены. Послѣднимъ цыганскимъ королемъ былъ Янъ Марцинкевичъ. Имя Яна носилъ дѣйствительный король польскій, извѣстный герой Янъ Собѣсскій. Охотники до графскаго достоинства, чтобы имѣть какой нибудь документъ, покупали патентъ на графство у Марцинкевича, который подмахивалъ Круль Янъ.

Въ такую обѣтованную землю для полученія не только дворянства, но и графства, Аракчеевъ послалъ генерала Бухмейера добыть дворянство для Мишеньки. Бухмейеръ привезъ бумаги дворянства Михаила Шумскаго.

Ефимовъ говорилъ, разумѣется, со словъ другихъ, что это были бумаги, купленныя у кого-то изъ Шумскихъ на имя умершаго родственника Михаила; но я думаю иначе: Бухмейеръ зналъ, куда ѣхалъ, и потому ему гораздо легче было купить какія угодно бумаги у Талишевскаго или подобнаго артиста. Купилъ—и концы въ воду; а входить въ сношеніе съ дѣйствительными Шумскими, которые суть настоящіе, богатые помѣщики въ Минской губерніи, не совсѣмъ

ловко, да и нельзя избѣжать огласки больше или меньше, хоть бы въ самомъ родѣ Шумскихъ; при томъ еще нужно, чтобы былъ недавно умершій Михаилъ. А пускать изъ-подъ руки молву такъ, какъ передавалъ Ефимовъ, было гораздо выгоднѣе: у Мишеньки были настоящія дворянскія бумаги, хоть и чужія, а не поддѣльныя.

Такъ или иначе, но въ Грузинѣ явился польскій дворянинъ Михаилъ Шумскій. Затѣмъ сдѣлать его пажомъ и произвесть въ свое время въ офицеры и даже пожаловать въ флигель-адъютанты— Аракчееву было не трудно.

Шумскій былъ человѣкъ счастливыхъ дарованій, но пьяница. Числился въ артиллеріи, но командовалъ ротою въ Аракчеевскомъ полку. Часто былъ въ Петербургѣ, и сопровождалъ Аракчеева въ Грузино. Въ одной коляскѣ обыкновенно ѣхалъ Аракчеевъ съ Клейнмихелемъ, а въ другой Шумскій съ Ефимовымъ. Послѣдняя выѣзжала со двора нѣсколькими минутами позже, для того, чтобы Шумскій успѣлъ захватить ящикъ съ виномъ. Въ первый разъ Ефимовъ испугался; но Шумскій сказалъ ему: „Чего боишься? Аракчеева? Не бойся: онъ дуракъ!“

Пьянство Шумскаго дошло до того, что однажды, когда онъ былъ въ караулѣ на дворцовой гауптвахтѣ, Аракчеевъ заѣхалъ посмотрѣть, все ли въ порядкѣ, и засталъ его совершенно пьянымъ и раздѣтымъ. Тотчасъ вытребовалъ офицера изъ 1-го Преображенскаго баталіона, а Шумскаго, будто бы внезапно заболѣвшаго, увезъ съ собою.

Много проказъ сходило съ рукъ Шумскому. Погубилъ его вотъ какой случай: пьяный онъ пришелъ въ театръ, въ кресла; принесъ съ собою взрѣзанный арбузъ, рукою вырывалъ мякоть, и ѣлъ. Передъ нимъ сидѣлъ плѣшивый купецъ. Опорожнивши арбузъ отъ мякоти, Шумскій нахлобучилъ его на голову купца, и на весь театръ сказалъ: „старичокъ! вотъ тебѣ паричокъ!“ Купецъ ошеломѣлъ; но когда освободился отъ паричка, и, обернувшись, увидѣлъ передъ собою смѣющагося пьянаго офицера, то также громко воскликнулъ: „Господи! Что же это? Надъ нами, купцами, ругаются публично“. Въ театрѣ произошла суматоха, Шумскаго арестовали; отъ государя утаить нельзя было,—и Шумскій посланъ на Кавказъ въ бывшій тогда гарнизонный полкъ. По смерти Аракчеева онъ вышелъ въ отставку, поступилъ въ гражданскую службу, но за пьянство уволенъ; затѣмъ бродилъ изъ монастыря въ монастырь въ качествѣ послушника, ради куска хлѣба, и умеръ, говорятъ, въ кабакѣ.

Вотъ, что́ слышалъ я отъ Ефимова, по своей печальной должности, въ теченіи многихъ лѣтъ бывшаго весьма близкимъ лицомъ къ Аракчееву.

Сообщ. Вор—скій.